

ДАНИЛА РОМАХ

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Иллюстрация на переплете — *Алина Грим*
Внутренние иллюстрации
Шмуц-титуды — *Анастасия Алексеева*
Вставки — *Тагир Ахмадеев*

Ромах, Данила.

Р69 Разбитая наковальня / Данила Ромах. — Москва : Эксмо, 2023. — 272 с.: ил.

ISBN 978-5-04-172956-1

Человечество ждет тяжелые времена, загадочное существо из глубин времен читает об этом. Три прекрасные дочери кузнеца отправляются в опасное путешествие по континенту Эпилога, чтобы собрать древние технологии, иначе проклятье накроет мир. Время на стороне зла. Успеют ли мастерицы к сроку — или им суждено сгинуть, вслед за древними секретами кузнечного дела?

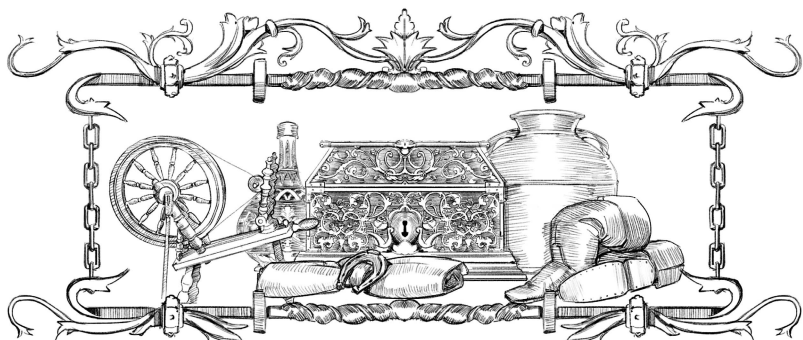
УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-172956-1

© Ромах Д., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ	7
<i>Вступление</i>	7
ЗАНЬ: часть первая	31
ЗАНЬ: часть вторая	44
ЛЕННА: часть первая	59
ЛЕННА: часть вторая	74
ИГНА: часть первая	99
ИГНА: часть вторая	117
ИГНА: часть третья	142
ИГНА: часть четвёртая	158
<i>Заключение</i>	185
ЛЕННИНЫ ЗАПИСКИ	201
МЁРТВЫЙ БОГ	239

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

ВСТУПЛЕНИЕ

Во времена Ложных Корон, за целые века до рождения Коалиции и последующей войны, стоял близ пересечения трёх широких рек небольшой город Киррик. Основанный талантливым кузнецом, окружённый непроходимыми лесами с одной стороны и пресными водами — с другой. На Киррик можно было выйти по мощёной дороге да хитрыми тропинками. Укрывшись от лесного зверя за частоколом, городок этот жил и рос, будто против воли своенравных богов: хворь огибала тёплые избы, коронованные резными коньками, в каждом дворе водилась здоровая скотина или хотя бы пятёрка добротных кур, рыба сама лезла в широкие сети, а почва под ногами была щедра круглый год, лишь холодными зимами скрываясь за плотной вуалью снега.

Славился Киррик среди бывалых путешественников и купцов обилием знатоков всякого ремесла, потому и звался городом-мастерской. Здесь жили резчики, гончары, кожевенники и ткачи, из поколения в поколение передававшие тайны и хитрости своих профессий. Бесконечно ценны были эти знания, ведь собирались они отовсюду и бережно хранились от забвения, как труднопроизносимые заклятия, оставшиеся с давнишних времён немymi страницами. Путешественники, хорошо знакомые с историей и культурой Киррика, нередко сравнивали его жителей с Бессмертными — детьми Самой Седой Смерти, что

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

так же бережно хранили знания мира внешнего и внутреннего, только в глубоком, закрытом от смертных глаз Некрополе. Вечные за редким исключением соглашались иметь дела со Смертными, чего нельзя было сказать о предприимчивых и любезных жителях города-мастерской.

Конечно же, в Киррике промышляли и кузнечным делом. Отца семейства владеющих металлом звали Реголом Стуком. Этот высокий и крепкий мужчина с пламенно-рыжей шевелюрой был достойным наследником непростого дела: с родовой наковальни вышло без малого тысяча подков, пара сотен мечей и сабель, полчища гвоздей и несколько изделий такой тонкой работы, что уму и таланту кузнеца позавидовали бы по другую сторону злых океанов. В литье Реголу тоже не было равных: плавильня, тонущая в углях, отгоняла неудачи облаками пепла да дыма и бурлила будущими шедеврами. В закромах Регола скрывались десятки литьевых форм, оставшихся наследием ещё со времён предка-основателя, в честь коего и назван город.

Регол принимал заказы охотно, никогда не пытался облапошить клиента на лишнюю монету, к каждой работе относился ответственно. Не было ни одного наездника, воина или купца, что после не поблагодарил бы мастера Стука за честный труд. По слухам, один из искусно выполненных Реголом мечей оказался в руках Александра Хмурого — мудрого полководца и преданного воина Истинной Короны. С этим клинком Александр вёл свой поход сквозь королевство, сшивая разрозненные братоубийственной смутой доскуты в целое государство, дабы не повторить судьбу соседской Регалии.

Кузнец воспитывал трёх дочерей в одиночку: любящая жена умерла при родах. Регол не держал обиды на местного знахаря, что чарами да отварами своими до последнего пытался скрепить уходящее тело и отходящую Смерти душу, но горечь утраты посеяла в мастере истлевший уголёк. Боязно стало ему за семью свою.

Оставшись с дочерьми-тройняшками, Регол принялся растить себе помощниц. Учил он чад своих уму-разуму, с самого их детства прививая любовь к семейному ремеслу. Ещё совсем малышками бегали дочери по кузне от суетливых искр, пода-

ВСТУПЛЕНИЕ

вали отцу инструменты, внимательно следили за работой мастера. А как затихала кузня под вечер, укладывал Регол детишек к спокойному крепкому сну, не забывая передать чрез красно слово простые истины. Даже в сказках, что слагались в огоньке свечи, предостерегал отец о коварных людях, скрывающих свою хитрость за вуалью ночи иль при ярких солнцах; о силах гадких, тёмных, как смоль да сажа; о демонах и о тех, кто всякого демона будет стократ хуже.

Прошло много лет, и пуще прежнего загремели молоты, взвыл страшным рёвом горн, подгоняемый мехами, искрами наполнилась кузня. Отныне четыре мастера ваяли мечи да подковы. Мудрый Регол словом да примером выучил трёх красавиц непростому делу. Лицами те были бледны, как снег, с волосами рыжими, как горново пламя, глаза сияли зелено, как морские волны.

В одну из зим, в ночь, что стала длиннее дня, гремела работа. Не зная лени, ваяли сёстры изящный клин, убаюкивая стуком захворавшего в морозы отца. Не давали мастерицы продыху кормилице-наковальне, что пережила уже несколько поколений Стуков.

Старшая сестра — могучая станом Игна — всегда бралась за самую тяжёлую работу. Сильна была не по годам, ростом с отца родного, волосы подрезаны выше плеч. Её характер — тяжёлый и крепкий — был схож с двуручным молотом, коим чаще сестёр работала мастерица в кузне. В сиянии искр, исходящих от клинка, она гремела против воя метели за дверью, и в каждом ударе чувствовалась мощь необычайная, лишь мастеру подвластная.

Средняя сестра — высокая лбом Ленна — стояла близ всей работы и клещами держала неугомонный клин на месте, не сводя с него холодного взгляда. Две косы обрамляли светлую голову, а рука тянулась чаще к книге, нежели чем к инструменту. Там, где не было достаточно лишь грубой силы, не стеснялась она дать старшей дельный совет, коими голова светлая полна. Если делать — то по уму, зная каждый угол, под которым надо бить, каждый знак, что подаст металл.

А коли силы да ума недостаточно, то помочь могла лишь младшая сестра — чуткая сердцем Зань. Собирала она свои

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

волосы непослушные в пучок всякий раз, когда отправлялась в кузню. Стоя во главе горна, чуя дыхание пламени в нём, не отпускала дочь Регола рукоять мехов да угля кусок. Доверившись лишь чувству своему, способна была мастерица уберечь огонь от смерти, клин — от излома, а родных своих — от тёмных мыслей.

Три сестры — лицом одинаковы, да чертами различны — едва расслышали сквозь рабочий гул посторонний звук. Сначала подумали, что доска в полу скрипела иль отец с кровати поднялся. Но сей негромкий стук, едва слышимый в песне зимы, доносился снаружи, за массивной входной дверью, на засов закрытой. Зань, переглянувшись с языками пламени, подошла к порогу и окликнула незнамого гостя:

— Чего вам?

Никто не ответил, лишь снова постучал.

Ленна, отставив клещи, встала подле младшей и спросила, не отворяя:

— Кто пожаловал?

И вновь — тишина. И один громкий стук.

— Не учили отвечать на вопросы, а?! — Игна, не выпуская из руки молота, отогнала сестёр, засов сбросила и распахнула дверь, едва не сорвав с петель.

На неё беззвучно, брошенным плащом, упал незнакомец. Холодный, как лёд на трёх реках, укутанный в три слоя от пят до затылка в одежды худые, он не мог выдавить из себя ни звука. Сёстры оттащили незнакомца в глубь кузницы, встали вокруг него и быстро переглянулись. Зань наклонилась, достала из кармашка гвоздь и легонько ткнула гостя в ногу: без движения. Рукой она над лицом закутанным провела, желая поймать дыхание, и сказала тихо-тихо:

— Помер. — Она с печалью взгляд опустила.

— Быть не может, — полушёпотом возразила Ленна, — так настойчиво стучать — и сразу слохнуть? Живой он, точно говорю.

— Должно ли нас это волновать? — спросила Игна, не ожидая ответа. — Металл стынет, холодного воздуха пустили, от

ВСТУПЛЕНИЕ

клина отвлеклись. Пусть либо приходит в себя, либо в мир иной отходит.

— Да.

— Точно.

Сёстры вернулись к работе. То ли от вновь поднявшегося грохота, то ли от нагоняемого горном жаром незнакомец зашевелился. Жизнь возвращалась в него так, как обычно покидать должна: то пальцем дёрнул, то ногой, то по всему туловищу дрожь пробежала. Наконец, жадно вдохнув тёплый воздух кузни, неизвестный спросил у спасительниц:

— Мой брат... Остался за дверью?.. — и пробормотал тихо: — Впустите его тоже, прошу...

Средняя сестра, разобрав от силы половину произнесённых в дрожи слов, метнулась на улицу, согреваемая лишь собственным любопытством. Вторая фигура, что ростом была выше мастера Стука на голову, молча тонула в снегу. Как глыба, не нашедшая себе роли лучше, чем просто стоять наперекор жестокой зиме, второй незнакомец не сразу почувствовал, как его схватили за рукав, а потом вовсе толкнули в спину. Он с негромким звуком встретил дверную раму своим крепким лбом.

— Осторожно! — ахнула Ленна. — Такой детина и такой глупый! — возмутилась она, уставив второго гостя к первому.

— Не злитесь на него, пожалуйста... — почти слёзно упротис стучавший, приподняв голову. — Удулад, братец мой, как ты? Жив ли ты?

— Как всегда, — протянул второй, — только холодно.

Удулад поднял своего товарища, поставил на ноги, отряхнул от снега, прошёлся по кузне взглядом бессодержательным.

— Мы пришли? — спросил Удулад.

— Да, мы пришли. — Брат его кивнул. — Хвалю твою наблюдательность.

— Спасибо.

Тяжело вздохнув, Игна отложила инструмент и обратилась к незнакомцам. В ней не было ни любопытства, ни страха перед неизвестными — гостями явно далёкими, да недалёкого ума, раз

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

решили отправиться в Киррик зимой, ещё и в каких-то тряпках вместо тёплых одежд.

— Кто такие и чего надо? — спросила она громко, но холодно.

— Дэнда, — показал стучавший на себя. — Улулад, — показал на брата. — Миску горячего, выпить и немного вашего времени. — Он пустил руку себе за пазуху. — Пожалуйста.

Предупреждая все недовольства, Дэнда протянул Игне ценную монету, поблёскивающую в свете горна. Уж золото настоящий мастер и в темноте разглядит! Старшая сестра одобрительно кивнула: по крайней мере, гости представились, прямо и без лишних слов, подкрепив просьбу деньгой. Настоящий делец, таких принято в Киррике уважать.

— Ждите здесь. Отец спит, один громкий звук — и вернётесь туда, откуда пришли, со здоровенной шишкой посреде лба.

Гости кивнули обмотанными головами.

— Сестрицы, дайте им поесть и выпить, — распорядилась Игна, не сводя глаз с чужаков.

Подали гостям мясного супу только-только с огня и холодного, прямо как по погоде, пиво. Двое, стянув часть своих одеяний, показали хмурые лица и принялись за еду. Кожа у них была цвета алого, глаза большие и светлые, как полные луны, чёрные густые волосы собраны в пучки на затылке. У Дэнды лицо узкое, с длинным прямым носом, а глаза маленькие и юркие, как у заядлого вора. Улулад, напротив, имел голову широкую и бесформенную, будто горшок руки дурного гончара, узкие кривые губы и пустой взгляд, устремлённый сквозь стены кузницы.

— Из каких далей они к нам приплыли? — тихо спросила младшая.

— За каким срочным делом явились посреди ночи? — прошептала средняя.

— Пусть доедят, а там всё разведем, — заключила старшая, рассматривая монету. — Деньги у них водятся, это мы уже знаем.

Двое, не присаживаясь, съели и выпили всё без остатка. Улулад было собрался облизать пустую миску, но Дэнда вовремя выхватил её из здоровых рук.

ВСТУПЛЕНИЕ

— Большое спасибо, — кивнул тот, возвращая посуду, а затем ткнул локтем в бок товарища: — Скажи: «спасибо».

— Спа-си-бо, — произнёс медленно Уулад. — Еда вкусная.

— По какому делу вы явились? — осведомилась старшая сестра, скрестив руки. — Я вас слушаю.

— Можно ли присесть?

Странникам подтащили два табурета. Дэнда, оперевшись локтями в ноги, водрузил подбородок на сцепленные пальцы, затем кивнул товарищу на свободное место. Тот присел, не отрывая взгляда от чего-то, видимого только ему одному.

— На самом деле мы к вашему отцу, — признался он негромко.

— Сейчас он недомогает, мы работаем за него, — пояснила Ленна.

— Тем проще. Вы ведь большие мастерицы во всём, что касается металла?

— Верно! — не стесняясь, ответила Зань.

— И в навыках не уступаете достопочтенному Реголу?

Сёстры неохотно кивнули: не хотели затмевать они талант отца. Дэнда улыбнулся, ненадолго обнажив плотный ряд острых зубов. Кажется, последние его сомнения в состоятельности молодых кузнецов засим пропали.

— Тогда мы оставим вам заказ! — произнёс гость почти торжественно. — Заказ непростой, скажу сразу. Мы с моим другом отчаялись, бродя по всему свету в поисках достойного мас...

— Говорите уже, что вам надо сковать. Только время тратите, — нетерпеливо перебила Игна.

Дэнда слегка опешил, ведь далеко не каждый встреченный за долгие годы человек смел ставить ему поперёк слово. Не то чтобы сам он был большой любитель разговоров: в его делах речей мало. В мыслях он простил девушку и продолжил:

— Нам нужно оружие. Не оружие даже, — скоро поправил себя Дэнда. — Шедевры кузнечного дела. По совету нашего господина... — Он вопросительно посмотрел на товарища: — Уулад, напомни-ка...

РАЗБИТАЯ НАКОВАЛЬНЯ

— «Одно оружие, чтобы врага моего бить. Одно оружие, чтобы меня защищать. Одно оружие, чтоб волю мою исполнять», — ответил громила голосом властным, гневливым — не своим. — Так велел владыка.

— Слово в слово повторил, — Дэнда улыбнулся, — а говорят, что у тебя голова ненадёжная...

«Заказ непростой», — молвила Ленна своим сёстрам одним лишь взглядом. Игна недоверчиво покосилась на гостей.

— Из чего вам изготовить ваше оружие? — спросила Зань, уже взвешивая в руках два слитка. — Не бронзовыми же клинками вам махать? Быть может, калёным железом? Или сразу предложить великую сталь?

— Нет, нет и нет. — Дэнда разочарованно замотал головой. — Эти металлы сильны, но недостаточно. Мы дадим вам материал.

— Заново сковать, — внезапно добавил Улулад, — дать жизнь умершему. Знакомо.

— Не обращайтесь внимания, — рассмеялся Дэнда, возложив руку на плечо товарища. — Мысли братца блуждают где-то вне пределов нашего мира. Ладно, Улулад, где там груз наш?

Улулад, очнувшись от обрывков памяти своей, поплёлся на улицу, а через несколько мгновений вернулся с тяжёлым окованным сундуком. Он возложил его напротив сестёр-кузнецов.

— Как ты мог бросить металл без присмотра?! — взвился Дэнда, вскочив с табурета.

Улулад лишь уставился сквозь дощатый пол, не ведая ни стыда, ни сожаления. Не дожидаясь ответа, Дэнда достал из-за пазухи грубый ключ, нащупал хитрую замочную скважину где-то на торце сундука и принялся его отпирать. Внутри приглушённо щёлкнуло, и крышка подпрыгнула на высоту фаланги пальца.

— Любуйтесь, трогайте, проверяйте. — Дэнда отошёл немного в сторону. — Материал не из простых. Уж я-то знаю... — подозрительно тихо добавил он.

Дочерна грязные, что ни острия, ни заточки не видно, с прогнившими рукоятями, поломанные и погнутые — лишь оскол-

ВСТУПЛЕНИЕ

ками древнего воинского дела томились в сундуке останки мечей, топоров и кинжалов. Некогда грозное оружие, пропавшее в безымянных могилах на сотни лет вместе со своими хозяевами. Игна узнала один из мечей и сильно удивилась: частично сохранившимися линиями он напоминал детище формы литьевой, что лежала в подвале среди наследства Стуков.

— Знакомо? — усмехнулся Дэнда, поймав тревогу в глазах молодого кузнеца. — Это были некогда великие мечи, но сейчас от них мало толку...

— Вы разграбили могилы, чтобы достать их! — гаркнула гневно Игна, вновь взявшись за молот.

Она сделала несколько скорых шагов к Дэнде, но путь ей преградили сёстры, явно не желавшие столь необдуманной расправы над гостями. Улулад, заступивший перед Дэндой, оскалится и тихо зарычал. Во взгляде его проснулось нечто дикое.

— Вовсе нет, — Дэнда вновь замотал головой, аккуратно обходя брата, — мы не занимаемся такой грязной работой. Те, у кого мы их выменяли, подобным промышляют, но точно не мы, — самодовольно бросил алый странник. — Не разносить же находки обратно по гробам?

— Какой чудной металл... — прошептала Зань, что уже ковыряла гвоздиком присохшую к куску древнего клинка грязь. — Междумировы Жители! — громко воскликнула она.

Зань явила сёстрам осколок. Освободившаяся от налёта времени линия на нём оказалась гладкой и чистой. Неведомый металл, что должен был прогнить и рассыпаться в прах, под грязью сиял, как только скованный. Никакое железо, никакая сталь не смогли бы сыскать в себе и десятой доли такой крепости! Зань, не спрашивая разрешения, подкинула клещами фрагмент меча в горново пламя, чтобы после одним ударом о наковальню сбросить вскипевшую грязь.

— Осторожно, дура! — прикрикнула старшая сестра.

Зань, в своём чутье уверенная, дотронулась вновь до чистого металла ладонью. Ленна бросилась за припаркой от ожогов, что стояла на полке, но младшая сестра подняла невредимую руку.